

Содержание

Пролог

11

Часть 1

Заговор против времени

17

Часть 2

Сердца в космосе

85

Часть 3

Элементарная вещь

161

Эпилог

219

Пролог

С наступлением вечера этот заснеженный городок возле озера становился похож на мечту о доме — давно утраченном доме, который вспоминаешь с нежностью. Даже на расстоянии, если смотреть с ближайшего холма, можно было увидеть разноцветные рождественские гирлянды на деревьях, выстроившихся вдоль главной улицы. Украшения на некоторых домах, что были поблизости, искрились и сверкали. И как только начинало темнеть, загорались уличные фонари, и сердце города мягко выплывало из тени, сияя серебристым и золотистым светом.

— На фоне стремительно меняющейся Америки Свит-Хэйвен напоминает фотографию из прошлого, — раздался за кадром мужской голос. — Рождественская открытка из тех времен, когда жизнь была проще.

Камера отъехала назад, и говорящий появился на экране. Молодой мужчина с тонкими светлыми волосами — корреспондент из столицы штата. На нем было темное зимнее пальто и шарф в клетку. Щеки

порозовели от холода. Он говорил в микрофон, который держал в руке, а позади него виднелся город — весьма живописный фон.

— Между Форт-Андерсеном американской армии и Свит-Хэйвен лишь двадцать миль, и все же этот город можно назвать оплотом патриотизма и проверенных временем ценностей. Здесь поселились многие деятельные военные в отставке, чтобы создать семью. Но сегодня, — продолжал он, — спокойствие этого местечка было нарушено арестом одного из любимых сыновей Свит-Хэйвен.

Пока корреспондент говорил, на экране показывали видео: несколько сотрудников полиции толкали мужчину в наручниках к полицейскому участку. За арестованным наблюдала толпа прохожих. Вид у них был мрачный. Некоторые плакали.

— Трэвис Блэйк, рейнджер третьего поколения, который получил орден “Серебряная звезда” за проявление героизма в Афганистане, признался в жестоком убийстве своей девушки, Дженнифер Дин, а также в том, что бросил ее тело в это большое глубокое озеро.

Когда корреспондент назвал имя жертвы, на экране появилась ее фотография. Мужчина, который смотрел телевизор, резко вздохнул и сел ровнее на диване. Во мраке комнаты только экран освещал его лицо. Лицо это было злобное, бездушное. Лицо убийцы.

— Дин, всеми любимая библиотекарьша начальной школы Свит-Хэйвен, встречалась с Блэйком на протяжении нескольких месяцев, но, по словам полиции, отношения между ними стали хуже, когда Блэйка охватила ревность.

Теперь на экране появился Уилл Шеррин, шеф городской полиции. Он говорил с трибуны. Это был высокий, широкоплечий белый мужчина, в целом подтянутый, но уже немного обрюзгший, с животиком. Он обращался к комнате, полной корреспондентов. Другие люди из полицейского руководства стояли позади него. Мужчины выглядели внушительно, по-военному. И каждый был хмур и расстроен, ведь арестовали одного из них.

— Все мы знаем Трэвиса, — сказал шеф Шеррин. — А еще мы знали и уважали его отца. Семья Трэвиса, как и многие в этой стране, переживала трудные времена, и это сильно на нем сказалось. Мы думали — нет, мы надеялись! — что отношения с мисс Дин помогут ему выбраться из мрака. Но этого не произошло. Случилась настоящая трагедия.

На экране вновь появился корреспондент; вокруг него сгустились сумерки, городок позади сиял еще ярче.

— Рождество уже на пороге, — сказал он. — А этот город будет следить за тем, как один из его героев предстанет перед судом. Ему грозит пожизненное заключение без права на досрочное освобождение.

Сказав это, корреспондент исчез. Затем исчез и город. Мужчина, что сидел на диване, поднял пульт и нажал на кнопку. Телевизор выключился, и комната погрузилась в почти непроглядную тьму. Лишь далекие огни Лос-Анджелеса сияли за окном, поблескивая в глазах зрителя — в этих свирепых глазах — и мерцая на металлическом корпусе “беретты”, девятимиллиметрового полуавтоматического пистолета, который он, как настоящий профессионал, держал в одной руке.

Часть 1
**Заговор против
времени**

Рождество перестало быть для меня чем-то важным после того, как умерла Шарлотта. Она дарила мне праздник, а теперь, можно сказать, забрала его с собой. Но каждый раз, когда наступает Рождество, я думаю о ней.

Мы познакомились еще детьми. Мне тогда было семь, а ей, кажется, девять. Не сказал бы, что я был счастливым ребенком. “Уныние во плоти”, так однажды назвал меня отец. Думаю, он был прав. Серьезный. Тихий. Бдительный. Грустный. Здесь подошло бы слово “меланхолия”.

Мой отец работал в финансовом секторе, что бы это ни значило. Я никогда не знал, чем именно он занимается. Да мне и не нужно было. Я только знал, что он унаследовал состояние и преумножил его — и все. А моя мать — у нее были разные хобби, небольшие творческие проекты, которые она время от времени пыталась превратить в бизнес. У нас был таунхаус в городе, а еще загородный особняк у воды. Я занимался с частными учителями, летал на частных самолетах, мне устраивали праздники в магазинах игрушек и пар-

ках аттракционов, которые можно было арендовать на день рождения.

Бедный маленький богач, вот кем я был. Но, по правде говоря, лучше всего я запомнил то, что был одинок. Все эти праздники: приходили дети — “твои друзья”, как говорила мама, — а я ведь даже не знал, кто они такие. У родителей не хватало на меня времени. Всякий раз, когда они натыкались на меня в какой-нибудь комнате, они так изумлялись, как будто совершенно забыли, что я живу с ними в этом доме. А если мама видела, что я один, ее глаза расширялись в дикой панике. “Где няня?” — спрашивала она, а голос у нее такой напряженный, пронзительный, почти истеричный. И когда няня возвращалась, мама тяжело выдыхала от облегчения и говорила: “О! Вот она где!” На секунду она, видимо, пугалась, что ей придется присматривать за мной самостоятельно.

Когда мне было лет пять, моей няней была невзрачная маленькая немка по имени Мия Шейфер. Прошло лишь несколько месяцев, как она приехала в Америку, и мы взяли ее к себе. Она уехала с семьей из восточной части после того, как развалился Советский Союз и пала стена.

Мия была незамужней женщиной с седыми волосами — такая маленькая, худая и тихая. Ее тевтонская строгость и точность смягчались огромными запасами материнской нежности, а также тонким чувством юмора — она могла поддразнить, но делала это мягко. Я не мог дать ей любовь, которую она заслуживала, ведь она не была моей матерью. И вот я сдерживал свои чувства, надеясь, что однажды мама придет и поймет, что вообще-то она действительно хочет заботиться обо мне.

Но у меня была только Мия, преданная мне няня. И я мог этого тогда не знать, не ценить, но забота, доброта и даже ее любовь были единственной пищей для моего детского сердца.

Так, я вообще-то говорил про Рождество. У нас дома это событие выглядело довольно жалко. Родители не отличались религиозностью, так что в этом не было ничего особенного, никакого скрытого смысла. В основном все просто сводилось к замысловатым украшениям, и почему-то все было белым-бело. Вечерами устраивались модные вечеринки, на которые меня никогда не звали. Разумеется, подарками меня просто заваливали, но зачем они мне? У меня же и так все было. По правде говоря, самое раннее мое воспоминание — это как я сижу в своей комнате, смотрю какую-то рождественскую передачу и мечтаю оказаться там, в телевизоре, вокруг меня декорации в викторианском стиле, а я пою рождественский гимн под искусственным снегопадом. Я хотел быть членом той семьи, чтобы вместе с ними стоять в разноцветных свитерах и вязаных шапках и петь песни.

Однажды на Рождество мои родители получили приглашение от каких-то друзей из Англии. Это были, насколько я понял, важные люди. Настоящие аристократы с титулами и всякое такое. Один из них даже был кем-то из королевской семьи.

Моя мама была очаровательной и элегантной женщиной, но внутри она скрывала девочку со Среднего Запада, которая принадлежит среднему классу. Она всегда была немного карьеристкой, ослепленной светом высшего общества. Так что для нее это приглашение было сродни приглашению на небеса. И она очень не хотела, чтобы я путался под ногами.

Поэтому меня отправили на каникулы к Мие и ее семье. “Разве не здорово?” — говорила мама.

И знаете что? Правда было здорово! Думаю, я никогда раньше так не веселился.

Мия жила недалеко от города — всего полчаса езды. Дома там были небольшие, но весьма приличные. Газон пострижен. Окна помыты. Там селились люди, которые вцепились в свой средний класс и ни при каких обстоятельствах не собирались его отпускать.

Мия жила в маленьком двухэтажном доме с серой черепицей. Он стоял на небольшом клочке травы рядом с другими такими же домами. Она жила со своей семьей — все они были беженцами из старого коммунистического мира. Ее старшая сестра, Клара, работала помощницей в местной больнице. Она была суэтлива, не без своих причуд, но сердце у нее было доброе. Младший брат, Альберт, был крепким, практичным и надежным парнем. Он работал охранником в административном здании в городе. А еще он был вдовцом. Как я понял, его жена умерла до того, как они приехали в США. Но у него осталась дочь, она жила с ними. Шарлотта.

Не будет преувеличением, если я скажу, что никогда не видел никого прекраснее Шарлотты ни до, ни после нашей встречи. Стройная блондинка с идеальными чертами лица и бездонными голубыми глазами, она была похожа на китайские фарфоровые статуэтки, которые собирали Мия и Клара. Они стояли у них по всему дому. Думаю, вы видели такие штуки — эти ангельские баварские детишки, которые одеты в lederhose и дирндль. Вот Шарлотта была похожа на них.

Но я не считаю, что влюбился в нее с первого взгляда именно по этой причине. Не только поэтому.